

Геополитическое положение Центрально-Азиатских стран

В геополитическом плане Центрально-Азиатские страны занимают самое невыгодное положение, поскольку оно характеризуется как внутриконтинентальное, удаленное от основных морских акваторий, от основных торговых путей. Если посмотреть на карту мира, то можно убедиться, что существующие в мире 25 внутриконтинентальных стран — самые отсталые и слабо-развитые. Можно сказать, что уровень цивилизационного развития определяется близостью к океану. Так, даже внутриконтинентальные районы России или США гораздо ниже по уровню своего развития любого прибрежного и приморского района. Это определяет зависимое положение Центрально-Азиатских регионов, их несамостоятельное поведение практически во всех политических, экономических и прочих вопросах. Давайте с этой точки зрения попробуем взглянуть на ситуацию в Центрально-Азиатских странах.

Любые попытки Центрально-Азиатских стран выйти, скажем, на юг, к Индийскому океану бесперспективны, поскольку там горы,

пустыни, естественные конкуренты, производящие сырьевую продукцию, плюс политическая нестабильность этих регионов. Другой момент связан с тем, что сам Индийский океан — периферийный, и соответственно страны, расположенные в его прибрежной зоне, имеют определенные ограничения в своем потенциале.

Существует ли у Центрально-Азиатских стран возможность выйти к Тихому океану? Практически это невозможно, поскольку их разделяют самые большие горы в мире: Памир, Кунь-Лунь, Тянь-Шань, Гималаи плюс пустыни, неразвитая инфраструктура и т.д.

Выход Центрально-Азиатских стран на Запад, вернее, к Персидскому заливу или вообще на Ближний Восток, в Средиземноморье также практически невозможен, поскольку там пустыни, горы, политическая нестабильность, естественные конкуренты. Поэтому все попытки налаживания отношений с Турцией — не больше, чем попытки преодолеть свою внутриконтинентальную зависимость. А по сути дела, это большой блеф в политике, потому что ни Турция, ни другие ближневосточные соседи не могут помочь этим странам преодолеть недостатки их местоположения. Естественно, что Центрально-Азиатский регион является своего рода периферией московско-петербургского пространства, и в силу геополитического положения вынужден вращаться вокруг именно этого центра, этого ядра. Тем более, что граница Центрально-Азиатских стран и России прозрачна, понижение рельефа идет с востока на запад, имеется очень развитая инфраструктура: нефтепроводы, аэропорты, нефтеперерабатывающие заводы, автомобильный и железнодорожный транспорт, речная система и т.д. Поэтому, хорошо это или плохо, но Центрально-Азиатские страны были, есть и будут периферией московско-петербургского "игрового пространства". И никакие иные варианты здесь невозможны. Поэтому все попытки найти какие-то другие выходы в мир оказались, как показало время, бесперспективными. Так, Казахстан, его знаменитый проект с Шевроном — одной из крупнейших компаний в мире (попытка обеспечить добычу 700 тыс. баррелей нефти в день) оказался бесплодным, потому что эту нефть невозможно транспортировать. Все попытки прорваться через Ближний Восток, Черное море и так далее не удалась.

Далее возникает вопрос: "Какой характер будут носить отношения Центрально-Азиатских стран и их ближайшего окружения на межгосударственном уровне?" Здесь складывается следующая ситуация. Между Казахстаном и другими Центрально-Азиатскими странами — отношения взаимоотношения, несмотря на культурно-историческую, языковую, духовную и этническую близость. Взаимное притяжение, интеграция в Центральной Азии невозможны. Именно этим объясняются амбиции, обиды, конфликты, соперничество

между политическими лидерами этих стран, скажем, между руководителями двух крупнейших государств.

Точно такие же отношения складываются в Каспийском регионе. Здесь пять нефтедобывающих стран, являющихся естественными конкурентами, поэтому никакое сближение между ними невозможно. Отсюда и неурегулированность отношений по поводу Каспия. Здесь никогда не может быть нормальных отношений, а могут быть только конфликты. Хотя, видимо, Россия — крупнейший, контролирующий фактор. Она рано или поздно выиграет этот конфликт в Каспийском сообществе, но здесь тоже отношения взаимного отталкивания.

Как могут складываться отношения Центрально-Азиатских стран, скажем, с Китаем? Здесь отношения, в принципе, взаимоотношения, поскольку Китай — производитель товаров, а эти страны — источники сырья. Поэтому Китай заинтересован в сбросе своей товарной массы в Центрально-Азиатские страны, а последние — в продаже своего сырья. Но проблема заключается в том, что Центрально-Азиатские страны взаимодействуют не с юго-восточным пространством самого Китая, а с его дальней западной периферией — Синьдзянем, и их отношения носят очень поверхностный характер (на уровне ширпотреба).

Что же касается краткосрочной перспективы, то Россия и другие крупные страны СНГ, предпочитают ориентироваться на сырьевую стратегию развития, и поэтому Центрально-Азиатские страны как бы выступают их конкурентами. Поэтому общая тенденция — это нарастание национал-изоляционистских настроений и в России, и в Центрально-Азиатских странах.

Гораздо сложнее взаимоотношения между самими Центрально-Азиатскими странами. Здесь ключевую роль играет Узбекистан, как самое крупное, мощное и влиятельное государство в регионе. Политика Узбекистана определяет практически все межгосударственные отношения в регионе. Узбекистан имеет самое невыгодное геополитическое положение. Это единственный регион, являющийся периферией России, но не имеющий прямого выхода на Россию, и осуществляющий свои торговые операции либо через Казахстан (в частности, экспорт газа), который за это требует до 20—25% стоимости экспортируемого сырья, либо через Туркменистан к Каспию с выходом на Астрахань, Крым и на московско-петербургское пространство. Эта зависимость экономически невыгодна, и Узбекистан стремится снять её. Именно политикой Узбекистана будет определяться в ближайшем будущем фактически вся политическая конъюнктура в этом регионе.

Как известно, в Узбекистане огромная масса избыточного населения, связанная с аграрным перенаселением. Однако, на мой

взгляд, противоречия между обществом и властью здесь наименьшие по сравнению с другими странами бывшего СССР, поскольку основой хозяйства Узбекистана является мелкотоварное, мелконатуральное хозяйство, как тысячу лет назад, так и сейчас, которого не коснулась советская власть. Там достаточно 2 га посевов, чтобы вести товарное хозяйство.

Для Узбекистана очень важен прорыв во внешний мир, предпринимались попытки устанавливать внешние отношения, вмешиваясь достаточно активно в ситуацию в Таджикистане и сейчас в Афганистане, но этот подход оказался мало продуктивным. Для Узбекистана гораздо большее значение имеет Ошская область, потому что Ош является ключом к Ферганской Долине — главному транзитному пути к Китаю. Но и это не решение проблемы, поскольку в основном взаимоотношения происходят с Синьдзянем, дальней периферией Китая.

Гораздо важнее проблема сближения с Россией. Для Узбекистана в геополитическом плане принципиально важным является прорыв к Каспию через Туркменистан, поскольку там существует наиболее развитая инфраструктура (в отличие от прибрежных районов Казахстана на Каспии). В этом случае Узбекистан преодолевает свою транзитную зависимость от Казахстана и выйдет напрямую на Россию, а Казахстан станет периферией не только России, но и Узбекистана. Поэтому уже сейчас имеется некое напряжение в отношениях Узбекистан—Туркменистан, проявляющиеся во взаимных обвинениях.

Хотелось бы сказать несколько слов о том, как воспринимается Казахстан российской интеллектуальной и политической элитой. Всем, наверное, известен тезис о том, что Казахстан был "мягким подбрюшием" России, которое якобы необходимо срезать. Но в действительности ситуация выглядит несколько иначе: малоосвоенная территория Казахстана с плотностью населения всего 6 человек на 1 км² является не просто "мягким подбрюшием", как это казалось, а своего рода "бронезащитным жилетом" России, который позволяет погасить ретрансляцию любых негативных явлений с Юга. Это огромная территория, и преобладание русского населения на севере Казахстана, где оно составляет порядка 50—60%, а иногда и больше, позволяет предотвратить ретрансляцию негативных явлений с Юга.

Теперь, поскольку в предыдущем докладе речь шла о национализме субъектов Российской Федерации, мне хотелось бы остановиться на проблеме маргинальности населения. Дело в том, что эта маргинальность является главной социальной базой и социализмов, и коммунизмов, и национализмов, и фашизмов и т.д. Проблема заключается в том, что маргинальное население, т.е. та часть

населения, которая мигрировала из сельской среды в город, является носителем групповых идеалов и, попав в совершенно чуждую ей городскую индустриально-урбанизированную среду, будучи не в состоянии адаптироваться к ней, постоянно находится в ситуации шока, стресса. Это связано с разнонаправленными процессами социализации человека в городе и в сельской местности. Маргиналу обычно присущи следующие признаки: во-первых, это индивид, который находится в стадии утраты тех социокультурных признаков, которые его социализировали как личность, но в то же время он не может их утратить. У него образуется причудливый симбиоз утрачиваемых, но не утраченных, осваиваемых, но не освоенных признаков. В результате он попадает в ситуацию стресса-шока, и его реакция приобретает однозначный характер: стремление преобразовать, изменить ту среду, в которую он попал. На этой базе возникают всевозможные политические маргинальные субкультуры: коммунизмы, национализмы и все остальное. Представьте себе эту маргинальную массу, существовавшую в бывшем Советском Союзе, утешавшую себя тем, что "да, мы маленькие, никчемные люди, но мы граждане великой супердержавы" и т.д. И когда эта супердержава в одночасье рухнула, то в головах маргиналов образовался вакуум. А они не могут жить в ситуации вакуума. Поэтому они должны найти другую групповую коллективную идею. И такой идеей является самая близкая и понятная им идея этнократическая, этническая, этноцентристская. Я часто вспоминаю слова одного из лидеров "Солидарности", который, перефразировав Ленина, сказал, что "национализм является высшей стадией развития коммунизма". И действительно, везде, буквально на всем постсоветском пространстве, именно этническая идея заполняет сознание этих "маленьких винтиков" — маргиналов — и становится господствующей.

Если с этой точки зрения посмотреть на Россию, Казахстан (не говоря о Кавказе и других Центрально-Азиатских странах), то ситуация складывается таким образом. Скажем, в Казахстане всего лишь 5% казахов обосновались в городе. Остальные — либо сельские жители, либо маргиналы, являющиеся носителями групповых идей, т.е. покорная, слабая, вялая, аморфная масса. Если можно так сказать, это носители "женского начала", жаждущие покорности, сильного политического лидера. Эта слабая аморфная покорная масса в основном воспринимает лишь тех политических лидеров, которые являются носителями крайних агрессивных признаков "мужского начала". Они боготворят таких людей как Жириновский, Лебедь или, скажем, Гитлер, Франко.

Удельный вес рожденных в городе россиян составляет 35—37%. Видимо, в составе электората он несколько меньше. Предполагает -

ся, что демократические реформы станут необратимыми только в том случае, когда будет пройден 50%-ный пороговый рубеж. Если Россия в ближайшие 10—15 лет имеет шансы выйти на этот 50%-ный пороговый рубеж и сделать свои реформы необратимыми, то для Казахстана такой вариант развития практически невозможен. Хотя русские в Казахстане более урбанизированы, чем казахи, тем не менее в городе родилось лишь 25% из них, а остальные — это носители групповой ментальности и групповых ориентаций. Геополитическая зависимость, несамостоятельность Центрально-Азиатских стран в сочетании с полным господством маргинальности — ведут к тому, что эти страны как субъекты исторического процесса практически не способны выйти из сложившейся кризисной ситуации. Учитывая существующие реалии реформирования таких отсталых стран, можно говорить лишь об одном рациональном для них варианте развития — интеграции с более развитыми крупными странами.

Э.Н.Ожиганов: Меня очень заинтересовала Ваша концепция маргинальности. Но "маргинальность" следует соотнести с его парным понятием "центральности". Кто же составляет большинство? И что из этого следует с точки зрения геополитики?

Ответ: Дело в том, что маргинальность — это однопоколенное явление, это временный фантом. Население, приехавшее из сельской местности в города, маргинально, но его дети — уже горожане, хотя отчасти наследуют по инерции некие элементы маргинальной субкультуры. Но уже во втором-третьем поколениях эта проблема снимается и, таким образом, маргинальность преодолевается. Это цивилизационное понятие. В рамках аграрной цивилизации доминирует аграрное население, в рамках индустриально-урбанизированной — индустриально-урбанизированное, но между цивилизациями есть временно преходящий фантом, который начинает как бы перевешивать и создавать "иллюзию центра". Это было у нас в течение 70 лет, когда все государство было маргинальным. Но это временное явление, и оно будет рано или поздно снято. В Казахстане 7,5 млн человек живут в сельской местности. Тогда как по нашим возможностям нам достаточно 200 тыс., которые бы обеспечивали всю страну. У нас огромная масса излишнего сельского населения и она неизбежно будет "перекачена" в города, но в Казахстане, в отличие от Узбекистана, складывается сравнительно благоприятная ситуация, потому что русские уезжают, а их место занимает казахская маргинальная масса.

Ж.А.Зайончковская: Вы сказали, что в Узбекистане и Таджикистане большое аграрное перенаселение и, конечно, неизбежным будет рано или поздно использование этого населения в российской эконо-

мике. Казахстан находится на его пути. Как Вы видите трансмиграцию в будущем? По Вашему мнению, Казахстан, грубо говоря, ни в коем случае их не примет. В принципе, в будущем Казахстан — хорошая демографическая ниша: пространство огромное, плотность населения низкая. В вашей республике людям есть где жить. Если же Казахстан их не примет, то может сложиться опасная ситуация. Как Вы представляете себе эту ситуацию?

Ответ: Проблема заключается в том, что Казахстан — это пустыня. Поэтому туда никогда не пойдут носители навыков поливного земледелия. Их возможности проникновения и фильтрации в регион очень ограничены.

ЖЛ.Зайончковская: Вы понимаете, что на новые неосвоенные земли нельзя уйти из оазиса с поливным земледелием. Это вековая культура и где же Вы ее воспроизведете? Эти люди только в города уйдут.

Ответ: Города Казахстана в основном искусственно созданы в связи с потребностями российской экономики. И сейчас, с разрывом экономических и хозяйственных связей, практически все города Казахстана коллапсируют. Ресурсы городов Казахстана очень ограничены. Даже в самом лучшем, самом благоприятном в экологическом плане городе Алма-Ата за последние 10 лет уровень грунтовых вод снизился на 45 м. Практически процесс ухудшения экологических ресурсов во всех городах Казахстана носит безграничный характер. Численность населения снижается, падает потенциал городов. Я не думаю, что эти города смогут принять мигрантов из Центральной Азии. Это практически невозможно еще и потому, что вытесняемое из городов Казахстана русское население подпирает маргинальная волна из казахских аулов. И она заполняет эту нишу. Поэтому миграция населения из Китая или Узбекистана в Казахстан, на мой взгляд, весьма проблематична. Хотя, конечно, в краткосрочной перспективе Узбекистан самый опасный и конфликтогенный сосед.

ЖЛ.Зайончковская: Как Вы представляете себе выход из этой ситуации? К 2010-му году в Средней Азии будет 50 млн человек излишнего аграрного населения, абсолютно без производства ширпотреба.

Ответ: Прежде всего, речь идет об Узбекистане, как самом мощном по людским ресурсам и потенциалу государстве. Что касается излишнего населения, то его либо надо "перекачивать" в города — в индустриальную сферу и сферу услуг, либо второй вариант — уничтожение людских ресурсов в конфликтах. Мне кажется, что Узбекистан через политику зажимания политического и постепенного мягкого разжимания экономического кулака пытается снять эту проблему именно экономическими способами. Это своего рода

китайский вариант, когда демографическое давление привело к тому, что экономический кулак начал разжиматься. Узбекистан сейчас является наиболее благоприятным инвестиционным регионом для западных капиталов; там осуществляются очень крупные проекты, которых нет ни в одном регионе бывшего Советского Союза. Таким образом, зажатие политического кулака и одновременно разжимание экономического привело к тому, что самая благоприятная во всем регионе ситуация сложилась в Узбекистане.

Л.М.Дробижьева: Вы сказали, что основной базой национализма являются маргиналы. Но это прямо противоположно выводу, который я могла бы сделать из анализа ситуации в Прибалтике. На Украине маргинальная масса также является социальной базой так называемых интернационалистов, интерфронтов и так далее. Им легче, опираясь на маргиналов разных национальностей, забывших о своих корнях, создавать те самые интерфронты, которые противопоставлялись "Союдису", народным фронтам. Национализм же имеет глубокие точки опоры в крестьянстве и в интеллигенции, даже в десятом поколении. Как Вы прокомментируете эту позицию?

Ответ: Думаю, что на территории бывшего Советского Союза интеллигенция в десятом поколении даже близко не была. Дай Бог, чтобы во втором поколении она была. Другое дело, что национализм может выступать в разных ипостасях. На примере нашего региона это соответствует тому, о чем Вы говорили. В период существования коммунистического режима вся потомственная нормальная интеллигенция, исходя из идей национализма, находилась в оппозиции режиму. Но получив суверенитет, именно эта интеллигенция первой отошла от идеи национализма и первая стала интернациональной. А маргиналы не самостоятельны в выборе своих политических ориентаций, здесь ведущую роль играет сильная политика государства. Наши маргинальные массы, которые вчера были самыми рьяными коммунистами-интернационалистами сегодня стали и самыми рьяными националистами. В Казахстане все националистические партии создавались бывшими работниками аппарата ЦК. Скажем, АЗАД — главная националистическая партия; ее создавали первый секретарь алма-атинского обкома партии и министр иностранных дел Казахстана. Вот вам, пожалуйста, ситуация. Когда проходит эйфория, связанная с приобретением суверенитета, именно маргинальная масса всегда следует за государственной властью, которая апеллирует к этнической самобытности, к идее почвенности и т.д. А подлинная интеллигенция всегда против этих идей и выступает за нормальный рационализм, прагматизм в экономической, политической деятельности.